

П. С. Боровков

ОТ КООПТАЦИИ К ВЫБОРАМ: РЕФОРМИРОВАНИЕ СПОСОБА ИЗБРАНИЯ ПОНТИФИКОВ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

в III–II вв. до н.э.

(*Политико-правовой аспект*)*

В статье рассматривается проблема трансформации способа избрания понтификов в Римской республике, связанная с введением специфического комициального голосования (сперва – в отношении верховного понтифика в III в. до н.э. и затем в 104/103 гг. до н.э. в отношении рядовых понтификов). По мнению автора, учреждение жреческих выборов, сопровождавшихся острой борьбой, существенно повлияло на изменение политико-правового значения и ценности понтификата в глазах нобилитета.

Ключевые слова: Понтифики, трибутные комиции, жреческие коллегии, верховный понтифик, кооптация.

Изменение способа назначения коллегии понтификов связывается в историографии с двумя событиями в истории Римской республики: с введением комициального голосования по кандидатуре верховного понтифика в III в. до н.э. и с принятием закона Домиция 104/103 гг. до н.э. о выборах рядовых членов коллегии¹.

Реформа способа комплектования основных жреческих коллегий (понтификов, авгуров, жрецов по священным делам и, возможно, эпулонов), проведенная законом Домиция, неоднократно рассматривалась в антиковедческих исследованиях с точки зрения вопросов датировки, а также причин и факторов, определивших принятие специального закона². Между тем в исследовательской литературе еще остается ряд спорных вопросов, связанных с сущностью и содержанием данных преобразований. В частности, недостаточно внимания уделено оценке влияния закона Домиция на политико-правовое положение понтификата в системе общественных должностей *civitas*. В этом случае в историографии отмечается, что сам факт привлечения народного собрания к назначению жречества привел к превращению жреческих должностей в некое подобие магистратур (или эрзац-магистратур)³. Также практически не исследован вопрос о характере и порядке процедуры избрания верховного понтифика, учрежденной в III в. до н.э. Исследователями

Боровков Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 02.740.11.0578.

¹ Rüpke 2007, 54–56; Osborne 2009, 125; Beard, North, Price 1998, 99–100; Taylor 1990, 82–83; Сморгков 2001, 105; 2007, 53.

² Mommsen 1887, 29–33; Münzer 1905, 1325; Wissowa 1912, 487–488; Mitchell 2005, 140; Linderski 1972, 182–190; Beard, North, Price 1998, 136–137.

³ Scheid 1993, 62–63.

констатируется лишь то обстоятельство, что в III в. до н.э. в римскую конституцию была введена новая процедура избрания верховного понтифика специальными жреческими комициями (состоящими из 17 триб, отобранных по жребию из 35 триб), которые затем, в 104/103 гг. до н.э. были привлечены Домицием и для выборов рядовых членов основных жреческих коллегий⁴.

Целью настоящего исследования является определение и уточнение политико-правового характера изменений в процедуре комплектования коллегии понтификов в Римской республике в III–II вв. до н.э.

В связи с поставленной целью предполагается решить следующие задачи:

1. Выяснить какое влияние оказывала процедура назначения жрецов на политико-правовое положение понтификата в Римской республике до введения комициальных выборов.

2. Проанализировать специфику комициальных выборов понтификов с точки зрения религиозно-юридического содержания данной процедуры, и определить каким образом новые механизмы назначения жрецов были адаптированы к особенностям функционирования сакральных институтов власти.

3. Попытаться дать оценку влиянию реформ на религиозно-юридические основы понтификата и положение этого института в системе общественных должностей *civitas*.

I

В исследовательской литературе указывается, что комициальные выборы заменили жреческую кооптацию – процедуру, согласно которой понтифики самостоятельно пополняли свои ряды⁵. Процедура жреческой кооптации (насколько это позволяют источники) достаточно хорошо проанализирована в историографии⁶. Прежде всего, кандидату необходимо было получить номинацию, по правилам которой не более чем двое из действующих членов коллегии должны были назвать его имя и предложить коллегии провести кооптацию (*Cic. Phil. II. 4*). Далее осуществлялись сама кооптация и обряд инаугурации, который проводился в присутствии авгура⁷. Цель инаугурации заключалась в том, чтобы с помощью гадания по полету птиц получить от небожителей благоприятные (одобрительные) знамения относительно вступления кандидата в жреческий сан (*Dionys. II.73. 3*).

Здесь необходимо обратить внимание на принципиальное отличие способа комплектования понтификов от сената или магистратов, на формирование которых существенно влияли внешние факторы (в случае с сенатом – это решение цензоров, а в ситуации с магистратами – ход предвыборной компании; таким образом, вопрос о комплектовании формально решался вне этих государственных структур⁸). В ситуации же с понтификами вопросы назначения новых членов решались в рамках коллегии. Можно вспомнить о древнем обычае, упомянутом Цицероном (*Ad fam. III. 10. 9*), согласно которому запрещалось кооптировать в коллегию жреца, который являлся личным врагом кому-либо из действующих членов коллегии. Этот обычай, на наш взгляд, корнями уходит еще в архаические представления о

⁴ Beard, North, Price 1998, 99–100; Botsford 1909, 341; Taylor 1990, 82; Сморгков 2001, 105; Münzer 1905, 1325; Wissowa 1912, 487–488.

⁵ Gargola 1995, 14; 180; Rasmussen 2003, 171.

⁶ Wissowa 1912, 487; Wissowa 1900, 1208–1209; Mousourakis 2003, 49.

⁷ Mousourakis 2003, 49; Linderski 2005, 236, n. 44; Wissowa 1900, 1208–1209.

⁸ Cornell 1995, 369–340, 377.

жреческом объединении как братстве или союзе «посвященных», среди которых не должно быть разногласий⁹. Очевидно и то, что правило это связано с первоначальным смыслом любой коллегии или корпорации как формы союза нескольких лиц, устремленных в своей деятельности к достижению определенных и согласованных целей¹⁰. А поскольку деятельность понтификов имела определенный политический смысл, то совершенно естественно, что этот обычай был значимым для жрецов и с точки зрения их общественно-политической жизни. Так, Лициний Красс, ставший понтификом в 218 г. до н.э., в 210 г. был назначен своим старшим коллегой по понтификату К. Фульвием Флакком начальником конницы (Liv. XXVII. 5. 19). В качестве консула тот же Лициний в 205 г. до н.э. назвал в качестве кандидата на избрание в диктаторы понтифика К. Цецилия Метелла (Liv. XXIX. 10. 1–2). В данном случае явно просматривается стремление членов коллегии поддерживать друг друга в продвижении на государственном поприще.

Таким образом, кооптация создавала определенную изолированность коллегии понтификов от гражданского коллектива, которая проявлялась прежде всего в том, что понтифики в вопросах регулирования пополнения коллегии являлись институтом, *de jure* остававшимся вне контроля со стороны народного собрания (да и вообще со стороны других властных институтов *civitas*). Добиться членства в понтификальной коллегии без поддержки со стороны ее членов было практически невозможно¹¹.

Отдельно остановимся на вопросе назначения верховного понтифика до введения принципа выборности. К сожалению, в источниках не сохранилось прямых свидетельств о данной процедуре. Версия, выдвинутая еще Г. Виссовой, полагававшим, что до введения принципа выборности пост верховного понтифика автоматически переходил к старшему члену коллегии¹², неоднократно подвергалась критике, поскольку она не находит соответствующего подтверждения в источниках¹³. Однако исследователи сходятся в том, что до введения процедуры комициального голосования в III в. до н.э. вопрос о назначении верховного понтифика полностью решался в рамках коллегии (в данном случае исследователи исходят из аналогии с процедурой кооптации, которая основывалась первоначально на исключительном праве коллегии самостоятельно пополнять свои ряды)¹⁴.

На наш взгляд, важным аргументом в пользу такого предположения является следующее сообщение Диона Кассия о ходе выборов верховного понтифика в 44 г. до н.э.: «Поскольку Эмилий Лепид обладал значительной властью и вселял по отношению к себе страх, Антоний отдал свою дочь за его сына и принял меры для осуществления избрания Лепида на должность верховного понтифика, в обмен на то, чтобы тот (Лепид) не вмешивался в его дела. И в самом деле, чтобы беспрепятственно реализовать задуманное, он перенес выборы верховного понтифика из народного собрания обратно к жрецам и провел посвящение (инаугурацию) Лепида в сан, выполняя предписанные посвячительные действия не полностью либо вовсе избегая; несмотря на это, Лепид все же приобрел верховный понтификат» (Dion Cass. XLIV. 53. 6–7).

⁹ Sabourin 1973, 40–43.

¹⁰ Berger 1953, 395.

¹¹ Mitchell 2005, 155–160; Rüpke 2006, 226–227.

¹² Wissowa 1912, 508.

¹³ Taylor 1942a, 421.

¹⁴ Beard, North, Price 1998, 136; 1887, 27; Taylor 1942b, 387.

Кассий прямо указывает, что Антоний провел некое мероприятие, которое позволило Лепиду быть избранным в верховные понтифики не народным собранием, а самими жрецами, скорее всего, понтификами. Отметим также, что историк указывает на то обстоятельство, что Антоний вернул выборы жрецам. Такая формулировка позволяет предположить, что некогда выборы верховного понтифика проводились исключительно самими жрецами.

Примечательно и само участие Антония в этой процедуре. Именно он, согласно сообщению Диона Кассия, посвятил Лепида в сан (пусть и с огрешностями), выступая, в роли авгура (Dion Cass. XLIV. 53. 7)¹⁵. Для нашего автора такое участие выглядит вполне обоснованным, поскольку, говоря о нарушениях, он лишь указывает на то, что «предписываемые» в этой ситуации посвятельные ритуалы недостаточно точно исполнялись. В свою очередь, из словосочетания «предписываемые для этого посвятельные ритуалы» (Dion Cass. XLIV. 53) можно понять, что сама инаугурация верховного понтифика была традиционным и необходимым компонентом в процедуре избрания. И хотя приводимый Дионом Кассием эпизод относится к эпохе заката Поздней республики, а сама легитимность выборов Лепида ставилась под сомнение уже древними авторами (Liv. Ep. 117; Vell. Pat. II. 63), мы вполне можем опереться на ту информацию, которая касается правил выборов верховного понтифика.

Как нам представляется, Антоний, скорее всего, никаких новых процедур не вводил, а только вернулся к некогда существовавшим правилам выборов верховного понтифика, не предусматривающим участие народного собрания. Аналогичные реставрационные мероприятия проводил и Сулла, когда отменил закон Домиция и вернул коллегиям исключительное право кооптировать своих членов¹⁶. Сулла при этом никакого нового способа не создавал, а лишь вернулся к некогда существовавшим процедурам¹⁷. Вполне разумно предположить, что Антоний действовал по той же схеме.

Из всего этого с неизбежностью следует вывод, что до введения голосования в трибутных комициях выборы верховного понтифика осуществлялись самой коллегией (по аналогии с выборами нового рядового члена коллегии) и завершались обрядом инаугурации.

Таким образом, кооптация как способ формирования понтификальной коллегии вносила специфику в режим функционирования жрецов, отделяя тем самым в институционально-правовом отношении понтификов от магистратов и сената. Обозначим принципиальные черты, которые выделяли понтификов, как впрочем, и всех жрецов, из ряда других властных институтов *цивита*s.

1. Пожизненное пребывание в должности (при этом практически не существовало возможности лишить понтифика его сана¹⁸).

¹⁵ Taylor 1942a, 423.

¹⁶ Taylor 1942a, 423; Wissowa 1912, 488.

¹⁷ Однако в 63 г. до н.э. народный трибун Тит Лабий при поддержке Юлия Цезаря, который являлся тогда кандидатом на должность верховного понтифика (вакансия на нее открылась после смерти Метелла Пия), провел закон, которым восстановил действия *Lex Domitia* (Dio. XXXVII. 37. 1). См. Taylor 1942b, 388.

¹⁸ Единственное свидетельство источников, где кратко упоминается о возможности утраты места в понтификальной коллегии в результате *damnatio*, – это норма *Lex Ursonensis* (LXVII). См. Rufino 2006, 273–274; Crawford 1996, 434–436; в этом отношении примечательно, что Август был вынужден ожидать смерти М. Эмилия Лепида (верховного понтифика), прежде чем занять место главы коллегии, хотя М. Эмилий Лепид находился в изгнании и был лишен римского гражданства по решению сената (см. Weigel 1992, 98–99; Gradel 2002, 97–99).

2. Отсутствие четких механизмов контроля за комплектованием понтификов со стороны других органов власти.

3. И, наконец, самый важный фактор – относительная независимость жреческой власти от народного собрания и гражданского коллектива в целом (хотя бы *de jure*). До введения комициальных выборов верховного понтифика в III в. до н.э. жречество вообще не подчинялось важнейшему республиканскому принципу выборности. Да и после этого рядовые жрецы ключевых коллегий продолжали комплектоваться методом кооптации вплоть до принятия закона Домиция.

II

Каким же образом изменилась суть комплектования коллегии понтификов с введением выборов верховного понтифика в III в. до н.э.¹⁹ и остальных членов коллегии в 104/103 гг. до н.э.? Практически единственное свидетельство наших источников, где характеризуются новый способ назначения верховного понтифика и норма закона Домиция, – это краткое упоминание Цицерона во второй речи «Об аграрном законе», где он пытается развенчать законопроект народного трибуна Публия Рулла, в котором предлагалось избирать децемвиров по разделу государственной земли между малоземельными гражданами способом, применявшимся при избрании верховного понтифика (*Leg. agr. II. 17–18.*)²⁰. Цицерон сообщает: «Но этому народному трибуну [Публию Рулле] пришлось на ум лишить права голоса римский народ в целом, и лишь несколько триб не на основании четкого правила, а по счастливой случайности жребия призвать к осуществлению их прав свободных людей. «Условия и способ избрания, – говорится во второй главе, – будут такие же, как при избрании верховного понтифика комициями». Он же не понял [того], что наши предки были столь преданны народу, что все же постановили по причине величия этого жречества испрашивать [т.е. верховного понтифика. – П.Б.] у народа относительно того, кого из-за святости жертвоприношений, согласно божественному праву, нельзя было избирать. Так, как народ, из-за [правил] религии, жречество предоставлять не мог, то же самое, чтобы все таки меньшая часть народа к голосованию привлекалась, предложил насчет других жречеств славный муж, народный трибун Гней Домиций; [и согласно его закону] тот [из жрецов], кто избирался этой

¹⁹ Выборы верховного понтифика, вероятно, были введены в период между 292 и 219 гг. до н.э., рассказ о котором, скорее всего, приходится на вторую, утраченную декаду книг сочинения Ливия. Такие хронологические рамки устанавливаются исследователями исходя из того соображения, что Ливий непременно упомянул бы в своем последовательном изложении об установлении такого важного изменения в способе избрания главы понтификальной коллегии. Так, согласно Ливию (XXV. 5. 2–4), в 212 г. прошли комициальные выборы верховного понтифика Публия Лициния Красса. Ранее этой даты у нас нет свидетельств о том, что осуществлялись выборы верховного понтифика. Более подробно относительно вопроса датировки см. Taylor 1942a, 421; Botsford 1909, 341; De Sanctis 1979, 349.

²⁰ *Hoc tribuno plebis potissimum venit in mentem, populum Romanum universum privare suffragiis, paucas tribus non certa condicione iuris, sed sortis beneficio fortuito ad usurpandam libertatem vocare [18]. 'Item,' inquit, 'eodemque modo,' capite altero, 'ut comitiis pontificis maximi.' Ne hoc quidem vidit, maiores nostros tam fuisse popularis ut, quem per populum creari fas non erat propter religionem sacrorum, in eo tamen propter amplitudinem sacerdoti voluerint populo supplicari. Atque hoc idem de ceteris sacerdotiis Cn. Domitius, tribunus plebis, vir clarissimus, tulit, quod populus per religionem sacerdotia mandare non poterat, ut minor pars populi vocaretur; ab ea parte qui esset factus, is a conlegio cooptaretur.*

частью народа, кооптировался и коллегией»²¹ (пер. О.В. Горенштейна с нашими поправками).

В историографии неоднократно отмечалось, что реформа избрания верховного понтифика, а затем и остальных понтификов по закону Домиция примирила демократическую процедуру народного голосования и требования жреческого права²². Основная суть компромисса заключалась в том, что для выборов жреческих должностей использовались трибутные комиции в неполном составе триб²³. Необходимость этого компромисса объясняется исследователями тем, что народ в силу запретов сакрального права не мог предоставлять жреческих должностей²⁴. Более подробно этот запрет никак не комментируется ни в источниках, ни в научной литературе. Скорее всего, точная причина была непонятна и самим древним. Во всяком случае, Цицерон (*Leg. agr.* II.18) подробно не останавливается на этом аспекте, замечая лишь, что верховного понтифика «из-за святости жертвоприношений (*propter religionem sacrogrum*), согласно божественному праву, нельзя было избирать».

На наш взгляд, указание Цицерона на такое основание отнюдь не случайно. Известно, что в отношении понтификов действовал ряд архаических табу, требующих от них ритуальной чистоты, необходимой для жертвоприношений (*Serv. Ad Aen.* VI. 176; VIII. 552). Поэтому вполне вероятно, что определенные жертвоприношения, отправляемые понтификами, не допускали какой-либо связи их полномочий с «профанными» истоками²⁵. К тому же только понтифики имели право совершать ритуалы, возлагаемые на фламينا Юпитера (*Tac. Ann.* III. 58) – жреца, статус и священнодействия которого отличались особой ритуальной святостью²⁶. Вмешательство же народного собрания в процедуру назначения понтификов, вероятно, рассматривалось именно как вторжение профанного в сферу сакрального. В виду этого вполне возможно, что с точки зрения сакрального права власть понтификов, выбранных на усеченных трибутных комициях, не воспринималась как проистекающая от народа²⁷.

Как нам видится, корни запрета на участие народного собрания в выборе жрецов уходят еще в архаические представления о том, что жрец – представитель и служитель божества и выбирается непосредственно богом. Аналогичные взгляды бытовали у многих народов на стадии перехода от общинно-родового уклада к классовому обществу²⁸. Из этих представлений проистекает, возможно, и обряд инаугурации, который, по сути, санкционировал волей божества окончательное назначение кандидата на жреческую должность (*Dionys.* II. 73. 3).

Кроме того, от введения полноценного голосования реформаторов удерживали, возможно, и соображения политико-правового характера. Привлечение к голосо-

²¹ Схожая информация (о законе Домиция), но гораздо более кратко приводится у Веллея Патеркула и Светония (*Vell. Pat.* II. 12. 3; *Suet. Nero.* II. 1).

²² Mommsen 1887, 27–28; De Sanctis 1979, 349; Rüpke 2006, 227.

²³ Mitchell 2005, 149.

²⁴ Linderski 1972, 192; Taylor 1942a, 421–422.

²⁵ О том, что понтифики в архаический период совершали собственные жертвоприношения, есть сообщения источников: *Cic. De orat.* III; *Macr. Sat.* I. 10. 7; причем Цицерон указывает, что жертвоприношений было множество (*sacrificiorum multitudinem*).

²⁶ Vanggaard 1988, 101.

²⁷ Вероятно, в этом случае предполагалась некая фикция, что поскольку к голосованию привлечены не все 35 триб, а только меньшая часть в составе 17 триб, то и нет вмешательства народного собрания в процедуру выборов; решение, принятое на таких комициях, не могло считаться полноценным постановлением граждан (*iussum populi*) (см. Taylor 1942a, 421; De Sanctis 1979, 349).

²⁸ Фрэнгер 1989, 65–66, 116.

ванию трибунных комиций в полном составе де-факто и де-юре сделало бы власть понтификов – и, главным образом, верховного понтифика – практически идентичной власти магистрата, например, такого как эдил (выборы данного магистрата проходили в трибунных комициях). Более того, полноценный способ избрания мог бы создать весьма опасный для функционирования классической республиканской системы прецедент – ввод в конституцию пожизненной, но при этом выборной общественной должности, имеющей к тому же сакральный характер и напоминающей этим институт рекса.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что при отборе триб использовался один из методов дивинации – жеребьевка. Гадание по жребью – один из самых простых способов дивинации, активно используемый в публично-правовой практике Классической республики²⁹. Согласно Цицерону, отбор триб по жребью был уместен только для процедуры выборов жреческих должностей, поскольку такой отбор проводился не на основании «четкого правила, а по счастливой случайности жребия» (*non certa condicione iuris, sed sortis beneficio fortuito*) (Leg. agr. II. 17). В таком случае можно сказать, что к голосованию привлекалась только та часть граждан, которая была «отобрана» небожителями для осуществления избирательной процедуры. Тем самым лишний раз подчеркивалась независимость выбранного жреца от гражданского коллектива.

Реформа верховного понтифика в повествовании Цицерона тесно переплетается с рассказом о законе Домиция (Leg. agr. II. 17–19). Для нас представляется принципиально важным уточнение древнего автора, что согласно закону Домиция тот, кто избирался меньшей частью народа, тот и кооптировался коллегией (Leg. agr. II. 18). Из этого ясно, что право кооптации было сохранено за коллегией. Однако формулировка Цицерона (*ab ea parte qui esset factus, is a conlegio cooptaretur*), указывает, что согласно закону Домиция коллегия, по сути, автоматически кооптировала выбранного на комициях жреца. В таком случае кооптация оставалась формальной процедурой, не имеющей фактического влияния на итоговое решение, принятое уже на комициях.

Таким образом, если законом Домиция кооптация не исключалась, то, скорее всего, и в случае с верховным понтификатом за коллегией было оставлено право утверждать своего главу, избранного комициями (поскольку разумно предположить, что Домиций и в этом аспекте опирался на опыт выборов верховного понтифика). Кроме того, у нас есть одно интересное сообщение Ливия о выборах верховного понтифика в 181 г. до н.э.: «В конце года умер и сам верховный понтифик, а также децемвир по священным делам, Г. Сервилий Гемин. Понтификом на его место коллегией был кооптирован К. Фульвий Флакк, а затем верховным понтификом [избран? утвержден?] – М. Эмилий Лепид, хотя многие выдающиеся мужи домогались [верховного понтифика]»³⁰.

Данное место в тексте источника, где говорится о занятии верховного понтифика Лепидом, вполне можно интерпретировать как указание на то, что субъектом действия в отношении его назначения выступает коллегия (хотя Ливий в этом случае, вероятно, и опускает соответствующий глагол). В связи с этим в исследовательской литературе иногда можно встретить предположение, что Ливий допустил

²⁹ Rosenstein 1995, 43–55.

³⁰ *Liv.* XL. 42. 1–4 «*religio inde fuit pontificibus inaugurandi Dolabellae. P. Cloelium Siculum exitu anni et C. Seruilius Geminus pontifex maximus decessit: idem decemuir sacrorum fuit. pontifex in locum eius a collegio cooptatus est Q. Fulvius Flaccus, inde pontifex maximus M. Aemilius Lepidus, cum multi clari uiri petissent*».

здесь ошибку, вступая в противоречие со своим более ранним сообщением о выборах верховного понтифика комициями в 212 г. до н.э.³¹

Однако, на наш взгляд, возможно и другое объяснение этого эпизода. Если всмотреться в общую смысловую композицию пассажа, то в нем последовательно сообщается о кооптировании коллегией в свой состав новых лиц. То есть во всех ситуациях действующим субъектом выступает жреческие коллегии (авгуров, понтификов, жрецов священнодействий). Логично предположить, что Ливий, чтобы не нарушать хронологию и целостность повествования просто опустил рассказ о комициальных выборах, сделав акцент на действиях коллегии³². Вполне возможно, что коллегия осуществляла некие собственные действия (по аналогии с тем, как это происходило в случае с кооптацией нового члена) по утверждению уже избранного на комициях верховного понтифика, наделяя его новым статусом главы коллегии. Не исключено, что об этом акте коллегии Ливий и сообщает, ставя его в один ряд с кооптацией. Намек на то, что это утверждение в коллегии происходило уже после состоявшихся комициальных выборов, заключен в придаточном предложении, «хотя многие выдающиеся мужи домогались [этого жречества]» (*cum multi clari uiri petissent*). Глагол *petere* явно указывает на состязательность, конкуренцию, то есть, по сути, на то, что проводилась выборная кампания, а грамматическая форма глагола (*petissent*)³³ — на то, что комициальные выборы предшествовали по времени утверждению верховного понтифика коллегией. Поэтому у нас есть все основания предполагать, что и после введения комициального голосования избранный на народном собрании верховный понтифик утверждался коллегией. При этом, конечно, это утверждение, как и в случае с кооптацией, сохраненной законом Домицием в отношении рядовых членов коллегии, могло иметь чисто формальный характер.

III

Каким же образом реформа способа комплектования коллегии изменила положение понтифика в Римской республике?

В силу того, что для замещения должности верховного понтифика не существовало никаких ограничений, накладываемых на кандидатов в отношении их возраста и статуса в рамках *cursus honorum*³⁴ практика народного голосования, на наш

³¹ Schmitz 1875, 940.

³² Так, если мы сравним этот фрагмент Ливия (XL. 42. 1–4) с его аналогичным пассажем (XXV. 2. 1–2), где также идет повествование о смерти жрецов и выборах на их места новых жрецов, то увидим, что рассказ о комициальных выборах выносится отдельно (*Liv. XXV. 5. 2–4*) и не смешивается с тем фрагментом, где субъектом действия выступают коллегии. Таким образом, мы полагаем, что и в интересующем нас эпизоде Ливий следовал такой же канве.

³³ Данный глагол придаточного предложения стоит в *plus quam perfectum* соп. и предполагает, что глагол, пропущенный Ливием в главном предложении, который обозначал действие коллегии, скорее всего, должен был стоять во временной форме, которая бы раскрывала действие, следующие за действием в придаточном предложении.

³⁴ Примечателен факт, что в источниках мы никогда не встречаем даже намека, что существовали какие-либо регламентации возрастного или политико-правового характера по поводу занятия места в коллегии понтификов. Регламентации были, но они относились к требованиям физического здоровья кандидата (отсутствия увечий, что было важным для признания за жрецом ритуальной чистоты, — см. Morgan 1974, 137). Этот момент, на наш взгляд, подчеркивает отличие понтифика от магистратуры, доступ в которую в период Классической республики не ограничивался регламентациями религиозного характера.

взгляд, способствовала тому, что дорога к сану главы коллегии стала более легкой для сравнительно молодых политиков (как это было в случае с Лицинием Крассом в 212 г. до н.э., М. Эмилием Лепидом в 181 г. до н.э. и Юлием Цезарем). Конечно, и в условиях кооптации в рамках самой коллегии, такая возможность в принципе существовала. Однако шансов у молодых кандидатов было немного, так как в рамках коллегии на исход выборов определенно влияли такие факторы, как авторитет, политический вес и старшинство кандидата по отношению к своим коллегам. Замечание Ливия, что до Публия Лициния Красса «в течение ста двадцати лет не было ни одного верховного понтифика, кроме Публия Корнелия Калуссы, который не занимал бы курульной магистратуры» (XXV. 5. 4), косвенно свидетельствует о том, что нормальной была ситуация, когда пост главы коллегии занимал опытный государственный деятель. Проведение же предвыборной кампании давало существенный шанс любому члену коллегии и снижало влияние на конечный результат таких факторов (при этом, конечно, не устраняя их полностью).

По поводу того, что имела место самая настоящая предвыборная борьба, красноречиво свидетельствуют данные традиции относительно компании Гая Юлия Цезаря (Plut. Caesar. 7; Suet. Caesar. 13). Решающим фактором в выборе верховного понтифика становится результат голосования в трибутных комициях, на который, как и в случае с выборами магистратов, влияла предвыборная активность кандидата. Состязание кандидатов в ходе предвыборной борьбы имело место и в период Классической республики. Ливий, повествуя о выборах верховного понтифика в 212 г. до н.э., сообщает следующее (XXV. 5): «Трое [кандидатов] в серьезном противоборстве [между собой] домогались [верховного понтификата]: К. Фульвий Флакк, консул, который до этого уже был дважды консулом и цензором, Т. Манлий Торкват, так же отмеченный дважды консулатом и цензурой и Лициний Красс, который [еще только] стремился к курульному эдилету. В этом противоборстве данный юноша одержал верх над старостью и почестями»³⁵.

Заметим, что Ливий, как и в случае с описанием ситуации вступления в верховный понтификат М. Эмилия Лепида в 181 г. до н.э., использует весьма характерный глагол *petere* (этот глагол нередко употребляется древними авторами в достаточно узком значении «добиваться магистратуры»³⁶), который применяется им и для характеристики борьбы кандидатов за верховный понтификат и для обозначения стремления Лициния Красса добиться эдилета. Таким образом, для этого автора борьба за верховный понтификат и магистратуру по существу выглядит идентичной. После принятия закона Домиция с не менее острой борьбой проходило голосование и по рядовым членам жреческих коллегий (Cic. Phil. II. 4)³⁷.

Факт превращения понтификата в должность, за которую порой разворачивались острые предвыборные баталии, на наш взгляд, кардинальным образом изменил и ценностное отношение политической элиты к этому институту.

В нашем распоряжении имеется довольно большое количество надписей периода Классической республики, которые позволяют с достаточной надежностью реконструировать порядок занятия государственными деятелями общественных

³⁵ «tres ingenti certamine petierunt, Q. Fulvius Flaccus consul, qui et ante bis consul et censor fuerat, et T. Manlius Torquatus, et ipse duobus consulatibus et censura insignis, et <P.> Licinius Crassus, qui aedilitatem curulem petiturus erat. hic senes honoratosque iuuenis in eo certamine uicit».

³⁶ Oxford Latin Dictionary 1968, 1370.

³⁷ Taylor 1942b, 387–388.

должностей (*cursus honorum*)³⁸. Собственно говоря, представление современных исследователей о ценностном отношении политической элиты к общественным почестям, последовательности прохождения магистратур во многом строится на анализе данных эпиграфики³⁹. Эти надписи, как правило, относятся к группе эпитафий, которые презентуют путь почестей умершего политического деятеля в порядке значимости должностей.

В связи с этим необходимо отметить, что для периода IV–II вв. до н.э., насколько мы знаем, практически не существует эпиграфических свидетельств о том, что понтификат включался в структуру *cursus honorum*⁴⁰. Единственная известная нам надпись, упоминающая понтификальный сан, рассматривает жреческую должность изолированно от других общественных должностей *civitas*. Эта надпись на саркофаге некоего представителя рода Корнелиев, датируемая исследователями концом IV в. до н.э.⁴¹: «Публий Корнелий Скапула, сын Публия, верховный понтифик»⁴². Этого Публия Корнелия большинство современных антиковедов отождествляют с Публием Корнелием Скапулой, консулом 328 г. до н.э.⁴³ Исследователей приводит в недоумение то обстоятельство, что в данной надписи упомянут только верховный понтификат, но совершенно упущены другие магистратуры. В связи с этим высказывается предположения, что таким способом представители патрицианского рода Корнелиев стремились подчеркнуть свое превосходство над плебейскими семьями, представители, которых занимали высшие магистратуры, но не имели право претендовать (до 300 г. до н.э.) на жреческие должности (понтификов и авгуров)⁴⁴.

Для нас же принципиально важным будет подчеркнуть следующее обстоятельство. Данный элогий не позволяет нам выделить место понтификата в рамках общественных должностей, а скорее напротив позволяет предположить (учитывая консулат Скапулы, который не приводится в надписи), что понтификат рассматривался политической элитой конца IV в. до н.э. изолированно от структуры *cursus honorum*.

Однако уже применительно к периоду Поздней республики мы встречаем надписи, которые однозначно указывают, что понтификат включался в структуру *cursus honorum* в одном ряду с магистратурами⁴⁵. При этом необходимо подчеркнуть, что мы не разделяем точку зрения, которую можно встретить в некоторых исследованиях, о принадлежности жреческих должностей к своеобразным магистратурам (или указание на их полумагистратский характер)⁴⁶. На наш взгляд, включение понтификата в структуру *cursus honorum* наряду с магистратурами не указывает на магистратский статус жреческого сана, а лишь свидетельствует о ценностном от-

³⁸ См., например, Dessau 1954–1955, № 1; 2; 3; 4; 11; 12; 66; Degrassi 1963, № 60, 75, 325.

³⁹ Flower 2000, 151–180; Rosenstein 2006, 370; Goldberg 1995, 62–66; Millar 2002, 72; 86–88.

⁴⁰ Боровков 2010, 21.

⁴¹ Flower 2000, 174.

⁴² «P. Cornelio[s] P. f. Scapula pont[ifex] max[imus]». Публикация: Pisani Sartorio, Quilici Gigli 1987, 259–260.

⁴³ Fasti sacerdotum 2005, 921; Pisani Sartorio, Quilici Gigli 1987, 259–260; Solin 1970, 110.

⁴⁴ Flower 2000, 181; Pisani Sartorio, Quilici Gigli 1987, 259–260.

⁴⁵ См., например, Dessau 1954–1955, № 42, 46, 48, 49, 70.

⁴⁶ Turcan 2000, 12; указание на магистратский характер жречества можно встретить и в отечественной историографии: см. Машкин 2006, 149; Чаплыгина 1994, 11.

ношении политической элиты к понтификату, который в период Поздней республики рассматривается в качестве общественной почести. Кроме этого, помещение жречеств и магистратур в одну линию может объясняться стилистическими и жанровыми особенностями эпитафий и вотивных надписей, диктовавших необходимость представить карьеру в едином кратком перечне. В этой связи целесообразно указать, что в «Деяниях Августа» жреческие должности принцепса приводятся отдельно от магистратур (*Res gestae* 7. 3).

Эпиграфические свидетельства органично дополняются данными нарративной традиции периода Поздней республики и Ранней империи, свидетельствующими о том, что понтификальный сан непременно включался в структуру *cursus honorum* (*Cic. De prov.* 21; *Plin. H.N.* VII. 139; *Val. Max.* IV. 2. 1; VI. 5. 5; 9. 13). В развитие данного вопроса любопытным будет обратиться и к некоторым свидетельствам нумизматики. Так, в качестве монетарного триумвира (в период между 62 и 58 гг. до н.э.) Лепид выпустил серию монет, посвященную общественно-политической деятельности его знаменитого предка, верховного понтифика Марка Эмилия Лепида⁴⁷. Можно выделить две серии монет, которые так или иначе связаны с верховным понтификатом Марка Эмилия Лепида. Первая серия прославляет статус Марка Эмилия Лепида в качестве опекуна Птолемея V⁴⁸. На первый взгляд такой выбор может показаться странным, поскольку в государственной жизни Марка Эмилия Лепида было масса и других славных дел. Однако если мы обратимся к сообщению Валерия Максима (VI. 6. 6), то увидим, что он этот эпизод выделял особо, подчеркивая, что Лепиду именно в ранге верховного понтифика римский народ доверил опекать египетского монарха⁴⁹. Поэтому мы можем предположить, что эпизод из общественной жизни Лепида, запечатленный на монетах его предка триумвира, ассоциировался именно с верховным понтификатом. Один из монетных типов уже определенно отсылает к понтификату Лепида, поскольку содержит на реверсе понтификальную символику⁵⁰.

Таким образом, для триумвира при выпуске монет, которые имели большой потенциал в качестве методов политической пропаганды, было существеннее всего указать не на многочисленные магистратские инсигнии своего потомка, а на статус понтифика. Выбор триумвиром именно такого монетного типа может свидетельствовать как о высоком положении и политическом авторитете понтификального жречества в период Поздней республики, так и о том, что в это время понтификат уже рассматривался властной элитой как почесть, сопоставимая с магистратурой (монеты с понтификальной символикой идут в одной серии с монетами, указывающими на деятельность Марка Эмилия Лепида в качестве цензора)⁵¹.

⁴⁷ Weigel 1973, 51–52. В отношении точной датировки выпущенных монет в историографии нет единого мнения. Так, М. Кроуфорд датировал данную серию 61 г. до н.э. (*Crawford* 1974, 443–444); однако в более поздней работе такая датировка подверглась критике и были высказаны предположения относительно 58 г. до н.э. в качестве года выпуска монетной серии (см. *Hersh, Walter* 1984, 119–127).

⁴⁸ *Shatzman* 1971, 363–369; Weigel 1992, 22.

⁴⁹ «Когда царь Птолемей испросил опеку римского народа над своим сыном, сенат послал верховного понтифика, дважды консула М. Эмилия Лепида для осуществления опеки над мальчиком» (*Val. Max.* VI. 6. 6).

⁵⁰ Применительно к данному периоду исследователями идентифицируются три монетных серии, связанные с Лепидом; две, как мы выяснили, связаны с его понтификальным саном и только одна с деятельностью в качестве цензора; см. Weigel 1992, 22.

⁵¹ Weigel 1973, 51–52.

Итак, мы можем констатировать существенные отличия в характере информации наших источников относительно положения понтификата в структуре общественных должностей. Практически полное молчание источников применительно к IV–II вв. до н.э. вступает в некоторый контраст с более поздними свидетельствами, указывающими на достаточно высокое положение понтификата в системе общественных должностей республики. На наш взгляд, свидетельства письменных памятников, эпиграфики и отчасти нумизматики I в. до н.э., отражают ситуацию, сложившуюся уже после принятия закона Домиция, когда понтификат становится выборной должностью и в силу этого отныне рассматривается политической элитой как общественная почесть, предоставленная народом. Поэтому для римских авторов периода Поздней республики и начала Принципата было совершенно естественным включать понтификат в структуру *cursus honorum*, поскольку это жречество было выборным, как и магистратура⁵². Здесь уместно будет указать на знаменитый памятник «Деяния божественного Августа», в котором особо подчеркивается, что он получил верховный понтификат путем выборов на комициях, на которые стеклось большое количество граждан, как ни у кого из ранее выбиравшихся (*Res gestae* 10. 1).

Итак, подведем итоги. С одной стороны, в реформе способа комплектования коллегии понтификов можно выделить ряд черт, которые максимально адаптировали избирательную процедуру под требования сакрального права. Обозначим их следующим образом: 1) привлечение к голосованию «усеченных» трибутных комиций, представляющих меньшую часть триб (а соответственно и меньшую часть гражданства); 2) применение процедуры дивинации при отборе триб, которые наделялись избирательными полномочиями; 3) сохранение за коллегией прерогативы на участие в выборах верховного понтифика (хотя, вероятно, коллегия просто утверждала решение народа) и обряда кооптации для рядовых членов коллегии, что оставляло за божеством формальное право на окончательное утверждение уже избранного понтифика. При этом, по сути, методом фикции (так как предполагалась, что комициальное голосование не имеет соответствующих публично-правовых последствий) сохранялась прежняя правовая ситуация – независимость (де-юре) жреческой власти от народного собрания.

С другой стороны, проведение реформы в такой форме позволило совместить при избрании понтификов требования божественного права (ограничения, диктуемые ритуальными правилами и представлениями) и республиканские принципы публичного права. При этом процесс выборов на важнейшие жреческие посты фактически был поставлен в зависимость от решения народного собрания (пускай и в ограниченном составе), что и отвечало принципам республиканской системы организации власти. Поэтому римские политики I в. до н.э. уже могли с полным основанием приравнивать жречество, полученное путем борьбы на комициальных выборах, к общественной почести и включать понтификальный сан, наряду с магистратурой, в структуру *cursus honorum*, поскольку за понтификат действительно боролись и соревновались перед лицом избирателей. Если же говорить о периоде Классической республики, то мы считаем, что понтификат не рассматривался римской элитой в контексте *cursus honorum*. И такая ситуация выглядит вполне

⁵² Следует отметить, что и для римских авторов I в. н.э. было естественным воспринимать понтификат как выборный институт, поскольку принцепс получал сан верховного понтифика через выборы на комициях. Об этом, в частности, свидетельствует надпись о выборах Тиберия на пост главы коллегии понтификов – см. Gradel 2002, 241.

обоснованной, поскольку политический деятель не испрашивал понтификальный сан у народа, не добивался его путем предвыборной борьбы, а получал через кооптацию, проведенную самой коллегией.

На наш взгляд, эта в своем роде метаморфоза политико-правовых ценностей не в последнюю очередь связана с теми изменениями в способе комплектования жреческих коллегий, которые произошли после реформы Гнея Домиция. Однако мы считаем, что такая трансформация произошла не в один момент, а была обусловлена всем ходом историко-правового развития *civitas* в III–II вв. до н.э. Закон Домиция в данном случае представляется лишь закономерным итогом этого развития.

Литература

Боровков П.С. 2010: Коллегия понтификов в политико-правовой структуре римской *civitas* (от Царского периода до конца Классической республики): Автореф. дис. кандидата исторических наук. М.

Машкин Н.А. 2006: История древнего Рима. М.

Сморчков А.М. 2001: Коллегия понтификов // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / Л.Л. Кофанов (ред.). М., 100–141.

Сморчков А.М. 2007: Понтифики и собрания граждан (*contiones, concilia, comitia*) в эпоху Римской Республики // ВДИ. 3, 47–66.

Чаплыгина Н.А. 1994: Введение // Религия и община Древнего Рима / Л.Л. Кофанов, Н.А. Чаплыгина (ред.). М., 3–13.

Фрэнгер Дж. 1989: Золотая ветвь. М.

Beard M., North J.A., Price S.R.F. 1998: Religions of Rome: A History. Cambr.

Berger A. 1953: Encyclopedic Dictionary of Roman Law. N.Y.

Botsford G.W. 1909: The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic. N.Y.

Cornell T.J. 1995: The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). L.

Crawford M. 1974: Roman Republican Coinage. I. Cambr.

Crawford M. 1996: Roman Statutes. L.

Degrassi A. 1963: Inscriptiones Latinae liberae rei publicae (Imagines). Firenze.

De Sanctis G. 1979: Storia dei Romani. III. Firenze.

Dessau H. 1954–1955: Inscriptiones Latinae selectae. Berolini.

Fasti sacerdotum 2005: Fasti sacerdotum: die Mitglieder der Priesterschaften und das sakrale Funktionspersonal römischer, griechischer, orientalischer und jüdisch-christlicher Kulte in der Stadt Rom von 300 v. Chr. bis 499 n. Chr. / J. Rüpke, B. Nüsslein, A. Glock, H. Pannke (eds.).

Flower H.I. 2000: Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxf.

Gargola D.J. 1995: Lands, Laws and Gods in Archaic Rome. L.

Goldberg S.M. 1995: Epic in Republican Rome. Oxf.

Gradel I. 2002: Emperor Worship and Roman Religion. Oxf.

Hersh C., Walter A. 1984: The Mesagne Hoard // Museum Notes. 1984. 29, 119–127.

Linderski J. 1972: The Aedileship of Favonius, Curio the Younger and Cicero's Election to the Augurate // Harvard Studies in Classical Philology. 76, 181–200.

Linderski J. 2005: Religious Aspects of the Conflict of the Orders: The Case of *confarreatio* // Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders / K.A. Raafaub (ed.). Oxf., 223–238.

Millar F. 2002: Rome, the Greek World, and the East. Vol. I. The Roman Republic and the Augustan Revolution. Chapel Hill–London.

Mitchell R.E. 2005: The Definition of *patres* and *plebs*: An End to the Struggle of the Orders // Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders / K.A. Raafaub (ed.). Oxf., 128–167.

Morgan M.G. 1974: Priests and Physical Fitness // CQ. 24, 137–141.

Mommsen Th. 1887: Römisches Staatsrecht. Bd 2. Lpz.

Mousourakis G. 2003: The Historical and Institutional Context of Roman Law. Aldershot.

Münzer F. 1905: Domitius Ahenobarbus // RE. 1324–1327.

- Osborne R. 2009: The Religion Contexts of Ancient Political Thought // A Companion to Ancient Political Thought / R. Ballot (ed.). Oxf., 118–130.
- Oxford Latin Dictionary 1968: / P.G. W. Glare (ed.). Oxf., 1369–1370.
- Pisani Sartorio G., Quilici Gigli S. 1987: A proposito della Tomba dei Corneli // *Bullettino della commissione archeologica comunale di Roma*. 92, 247–264.
- Rosenstein N. 1995: Sorting out the Lot in Republican Rome // *AJPh*. 1995. 116, 43–75.
- Rosenstein N. 2006: Aristocratic Values // A Companion to the Roman Republic / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx (eds.). Oxf., 365–382.
- Rufino A.C. 2006: Capita XIII – XX in *Legis coloniae Genetivae Iuliae (Commentarios)* // *El nuevo bronce de Osuna y la política colonizadora romana* / A.C. Rufino (ed.). Sevilla, 179–306.
- Rüpke J. 2006: Communicating with the Gods // A Companion to the Roman Republic / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx (eds.). Oxf., 215–235.
- Rüpke J. 2007: Religion of the Romans. Cambr.
- Sabourin L. 1973: Priesthood: A Comparative Study. Leiden.
- Shatzman I. 1971: The Egyptian Question in Roman Politics (59–54 B.C.) // *Latomus*. 1971. 30, 363–369.
- Scheid J. 1993: The Priest // The Romans / A. Giardina (ed.). Chicago, 55–84.
- Schmitz L. 1875: Pontifex // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities / W. Smith (ed.). L., 939–942.
- Solin H. 1970: L'Interpretazione delle iscrizioni parentali. Note e discussione. Ferenza.
- Taylor L.R. 1942a: The Election of the Pontifex Maximus in the Late Republic // *CPh*. 37 (4), 421–424.
- Taylor L.R. 1942b: Caesar's Colleagues in Pontifical College // *AJPh*. 63, 385–412.
- Taylor L.R. 1990: Roman Voting Assemblies from the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Michigan.
- Turcan R. 2000: The Gods of Ancient Rome: Religion in Everyday Life from Archaic to Imperial Times. N.Y.
- Vanggaard J.H. 1988: Flamen: A Study in the History and Sociology of Roman Religion. Copenhagen.
- Weigel R.D. 1973: The Coins Issued by Lepidus as Triumvir Monetalis // *Journal of the Society of Ancient Numismatics*. V, 51–52.
- Weigel R.D. 1992: Lepidus. The Tarnished Triumvir. L.–N.Y.
- Wissowa G. 1900: Cooptatio // *RE*. 1208–1211.
- Wissowa G. 1912: Religion und Kultus der Römer. München.

FROM COOPTATION TO ELECTION: REFORMING THE WAY OF CREATING PONTIFFS IN THE ROMAN REPUBLIC IN THE 3rd–2nd CENTURIES BC (Political and Legal Aspect)

P. S. Borovkov

The author analyses evidence of the written tradition concerning two events: (1) establishment (in the 3rd c. BC) of voting on the candidate for the office of pontifex maximus at the comitia; and (2) adoption of *lex Domitia* in 104/103 BC on the election of pontiffs. He points out two basic characteristics of the reforms, which adapted the procedure of election to the norms of sacral law: (1) «reduced» comitia tributa began to be enough for the election; (2) divination was used to choose the tribes that had rights to vote; (3) the college of pontiffs retained the prerogative to take part in the election of pontifex maximus and to choose the rite of cooptation of other members of the college, a fact that left to the deity the formal right to authorize the elected pontifex. All this ultimately made the priests' power de jure independent of the popular assembly. But the very fact of comitial vote and the fact that it was preceded by election campaign changed the attitude of the political elite to the sacral office. Epigraphic evidence shows that as early as the 1st century BC Roman politicians regarded pontificate as a social honor and included it in *cursus honorum*.